КОНЦЕПТ «РАЗВИТИЕ» И ЕГО ЭВОЛЮЦИЯ В ТРУДАХ КАРЛА МАРКСА

Вебер Александр Борисович,

доктор исторических наук,

главный научный сотрудник

Института социологии ФНИСЦ РАН,

Москва.

E-mail: mailbox@polisma.ru

Аннотация. 200-летие со дня рождения Карла Маркса вновь привлекло внимание общественности к его идейному наследию. В статье рассматривается концепция Маркса действительных движущих сил развития человеческого общества. Прослеживается сложный и трудный путь формирования и эволюции его взглядов на проблемы развития, его восхождение от воспринятой в молодости философской антропологии в ее довольно абстрактных категориях к более конкретному и масштабному видению мировой истории. Подчеркивается актуальное значение предметной критики им буржуазного общества, присущего капитализму культивирования частного бытия человека, частных материальных интересов в противоположность и в ущерб общим интересам. В своей глубинной сути учение Маркса содержит важные отправные пункты для современной социологии развития: в том, что касается движущих сил общественного развития, интересов различных общественных групп, развития человека, поиска оптимального соединения частного и общего интересов, осознания стихийных предпосылок развития, их угрожающих последствий и необходимости сознательного контроля общественных процессов, особенно в свете беспрецедентных глобальных вызовов современности. Перефразируя известные слова Маркса, мы вправе сказать: дело по-прежнему идет о великом споре между слепым господством закона спроса и предложения, т.е. стихийным развитием, и общественным развитием, направляемым общественным предвидением.

Ключевые слова: общественное развитие, движущие силы развития, частные и общие интересы, стихийность и сознательность, глобальные вызовы, общественное предвидение.

THE CONCEPT OF “DEVELOPMENT” AND ITS EVOLUTION IN THE WRITINGS OF MARX

VEBER Alexander Borisovich,

Main Researcher

Federal Center of Theoretical and Applied Sociology

Of the Russian Academy of Sciences,

Moscow, Russia.

E-mail: mailbox@polisma.ru

Annotation. The 200 anniversary of the birth of Karl Marx once again attracted the attention of the public to his ideological heritage. The article discusses Marx's concept of the actual driving forces of human society development. The difficult way of formation and evolution of his views on the problems of development is traced, his ascent from the earlier perceived philosophical anthropology in its rather abstract categories to a more concrete and large-scale vision of world history. The actual importance of his criticism of bourgeois society, of inherent to capitalism cultivation of human private existence and private material interests in contrast and to the detriment of common interests is underlined. In its deepest essence, Marx's teaching contains important starting points for the modern sociology of development: in relation to the driving forces of social development, the interests of various social groups, human development, the search for an optimal connection between private and the common interests, awareness of spontaneous prerequisites of development, their threatening consequences and necessity of conscious control of social processes, especially in the light of today's unprecedented global challenges. To paraphrase Marx's known words, we have the right to say that the case is still a great dispute between the blind domination of the law of

supply and demand, i. e., spontaneous development, and social development, guided by public foresight.

Keywords: humanity, social development, driving forces of development, private and common interests, spontaneity and consciousness, global challenges, public foresight.

Почему и сегодня важно обращение к теоретическому наследию Карла Маркса в связи с проблемами развития общества? В первую очередь потому, что им были заложены основы научного понимания действительных движущих сил общественного развития. Отталкиваясь от достижений классической немецкой философии, Маркс сумел преодолеть присущую ее представителям ограниченность – *идеализм*, сводивший движущие силы истории к развитию идей, понятий, а человека воспринимавший как абстрактного изолированного индивида; *созерцательный материализм*, удовлетворявшийся умозрительной, метафизической картиной мира, отвлеченно от человеческой деятельности, от практики; *позитивизм* с его принципом познания явлений, а не их сущности и причин.

Задача состояла в том, чтобы понять не только *как*, но и *почему* происходит общественное развитие. По Марксу, развитие общества есть непреднамеренный результат множества отдельных действий различных субъектов исторического процесса, побуждаемых, осознано или неосознанно, различными, часто противоположными стремлениями и мотивами. При этом решающее значение, как подчеркнул позднее Ф. Энгельс, объясняя их общую с Марксом позицию, имеют не столько движущие силы, стоящие за побуждениями отдельных лиц, даже если это выдающиеся исторические деятели, сколько те побуждения, «которые приводят в движение большие массы людей, целые народы, а в каждом данном народе, в свою очередь, целые классы» [Маркс, Энгельс, т. 21: 308 (далее: Соч.)].

Придавая поэтому особое значение объективным законам общественного развития, Маркс вместе с тем не считал (хотя ему это иногда приписывают), что деятельность человека всегда жестко детерминирована и людям остается лишь подчиняться

исторической необходимости. Человек способен познавать законы развития и использовать их, ему присуще врожденное стремление к свободе, он способен делать сознательный выбор, преследуя собственные интересы и цели. «История – не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека» [Соч., т. 2: 102].

Раскрытие подлинных движущих сил общественного развития позволило Марксу глубоко проникнуть в «тайны» капиталистического способа производства, подвергнуть основательной критике буржуазную политическую экономию с ее апологетической предвзятостью и вооружить поднимавшееся тогда в Западной Европе рабочее движение пониманием возможностей сопротивления эксплуатации и целей борьбы за освобождение труда. Отношение Маркса к этим вопросам подразумевало одновременно неприятие волюнтаризма, «донкихотства», поскольку, хотя люди «сами делают свою историю, но они ее делают не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбрали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого» [Соч., т. 8: 119].

Было бы отступлением от принципа *историзма*, которого всегда придерживался сам Маркс, рассматривать его взгляды вне условий его времени. Это была эпоха первоначального накопления, буржуазных революций, первых рабочих восстаний. Суждения Маркса о движущих силах истории формировались по мере расширения диапазона его научной и общественной деятельности, восходя от воспринятой в молодости философской антропологии в ее довольно абстрактных категориях к более конкретному и масштабному видению мировой истории и современной ему системы ничем не сдерживаемого капитализма.

Маркс не был (что иногда ставят ему в вину) бесстрастным интерпретатором истории. Он не скрывал своего сочувствия рабочему люду, обреченному промышленным переворотом на адские муки чрезмерного труда и лишений. Отсюда радикализм суждений о преобразовании общества и завышенные ожидания в отношении лучшего будущего. Однако обостренное чувство социальной совести не умаляло его приверженности поиску истины и интеллектуальной честности. Ему приходилось сталкиваться с «трудными вопросами», уточнять или

пересматривать свои теоретические выводы, его посещали сомнения – свидетельство его научной добросовестности и преданности убеждениям.

История как процесс отчуждения человека

Общественно-политические взгляды молодого Маркса, его революционно-демократические убеждения формировались под влиянием свойственного передовой философской мысли той эпохи *рационализма*, в особенности рационализма Гегеля, его *диалектики* как наиболее полно разработанной по тому времени науки о всеобщих связях и всеобщих законах развития.

Созданное Гегелем учение о развитии, о внутренней связи истории имело для своего времени прорывное значение. Но развитие он трактовал идеалистически, законы развития – как законы мышления, т.е. в абстрактной, «спекулятивной» форме. Самостоятельным субъектом развития у него выступали абстрактные *идеи*, а не действительные субъекты в собственном смысле с присущим им свойством развития, данным в определении субъекта. «На самом деле развитие совершается всегда на стороне предиката»¹ [Соч., т. 1: 228], возразил Маркс, оспаривая такое понимание развития.

Столкновение с реалиями немецкой действительности и основательное изучение всеобщей истории подвигли молодого Маркса на переосмысление гегелевского диалектического метода с материалистических позиций. Он пришел к выводу: общественные отношения, как и их правовые формы, «не могут быть поняты ни из самих себя, ни из так называемого общего развития человеческого духа; что, наоборот, они коренятся в материальных жизненных отношениях...» [Соч., т. 13: 6].

Высвободив из гегелевской логики ее рациональное ядро, Маркс создал тем самым научный метод, ставший известным как метод диалектического и исторического материализма. Согласно этому методу, сущность любых явлений можно постичь

¹ Предикат (сказуемое) – категория логики, указывающая на свойство предмета, действительного субъекта развития.

только в их развитии. «С чего начинается история, с того же должен начинаться и ход мыслей...», – заметил Ф. Энгельс, комментируя метод Маркса [Соч., т. 13: 427].

Среди начальных фактов человеческой истории внимание Маркса привлек феномен первобытной *общины* – естественно возникшей первоначальной формы общности людей¹. В этой вынужденной полной зависимостью от враждебной внешней среды форме общности (еще, очевидно, на уровне «коллективного бессознательного») Маркс видел не только подтверждение общественной сущности человека, но и свидетельство изначального *абсолютного тождества* индивидуально-антропологического и коллективно-социологического начал. Согласно этой гипотезе, человечество впоследствии *уклонилось* от «естественного» для него состояния, что на гегелевский манер можно было объяснить отчуждением от «естественного состояния». Но отчуждение несло в себе и предпосылки его будущего неизбежного «снятия» – «отрицание отрицания» [История... 1997: 208–209].

Продолжавшееся столетиями разложение общинного строя в его разнообразных формах и последующих модификациях (вследствие появления меновой торговли, частной собственности и социального расслоения) привело к возникновению, в одном случае, «азиатского способа производства», в других – рабовладельческого строя или западноевропейских форм феодализма. Хотя рудименты сельских общинных порядков и традиций еще долго сохранялись – вплоть до Нового времени – в странах Азии, в России, да и в Западной Европе.

Исторический процесс представал, таким образом, как смена основанных на эксплуатации способов производства и форм общения (производственных отношений), а унаследованное от Гегеля понятие отчуждения – как синоним «отчуждения труда», превращения труда и его результатов в нечто внешнее и чуждое человеку. Смена способов производства означала

¹ Почти повсеместное распространение общинного строя на заре человеческой истории было позднее подтверждено исследованиями Г. Маурера, Л. Моргана и других историков, труды которых Маркс высоко ценил.

одновременно смену соответствующих форм отчуждения. Раб, крепостной, вассал, наемный рабочий – таковы основные фигуры отчужденного человека на разных ступенях эволюции классового общества¹. И таков исходный пункт развитой Марксом теории общественно-экономических формаций.

Обратившись в своих ранних сочинениях к критике буржуазного общества, Маркс сосредоточил внимание на присущем этому обществу культивировании *частного бытия* человека, частных материальных интересов – в их противоположности *общим* интересам. На место присущей феодализму системы личной зависимости пришло утверждение первенства частных интересов и прежде всего – права частной собственности. Стремление к наживе, к обогащению становилось общественно признанной нормой поведения, хотя успех сопутствовал лишь меньшинству. Частная собственность, основанная на личном труде, вытеснялась капиталистической частной собственностью, основанной на эксплуатации чужого труда. Стихийное развитие раннего капитализма с характерной для него тенденцией первоначального накопления породило в обществе ту общую атмосферу, которая формировала тип «эгоистического человека», замкнутого в своем частном интересе, отчужденного от своей истинной человеческой сущности, от общественного целого [Соч., т. 1: 400–402].

В актах рыночного обмена, разъяснял Маркс, его участники преследуют свои особые, своекорыстные интересы. Общий интерес не является ни мотивом, ни целью их действий; если он и присутствует, то лишь «за спиной» частных интересов. Общественная связь возникает здесь не вследствие рефлексии, а стихийно, как следствие нужды или эгоизма индивидов. Она приобретает отчужденную, внешнюю для человека форму, воплощаясь в вещных (товарных), денежных отношениях и в государстве как исполнителе воли частной собственности.

Но человек – не только *объект*, но и *субъект* исторического процесса. Давление материальных условий создавало

¹ Подробнее о социологической интерпретации проблемы отчуждения в ранних работах Маркса см. тексты Ю. Н. Давыдова в: [История... 1997: гл. 4, 5].

предпосылки «отчуждения», но порождало и сопротивление ему. Присущее человеческой природе стремление утвердить свою индивидуальность, противостоять несправедливости, сохранить или обрести свободу обусловило неизбежность классовой борьбы на протяжении всей многовековой истории классовых обществ. Сопротивление масс угнетению и эксплуатации привлекало особое внимание Маркса как одна из важнейших движущих сил исторического процесса. Суть своей «философии практики» он предельно четко и лапидарно сформулировал в знаменитых «Тезисах о Фейербахе»: «Философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его». [Соч., т. 3: 4].

Развитие капитализма сопровождалось появлением особого класса, существование которого ставило его «в самое решительное противостояние» буржуазному обществу и государству [Соч., т. 3: 69]. Класса людей, которых существующий общественный порядок лишал собственных средств производства, вынуждая жить продажей своей рабочей силы, притом на условиях, которые диктовал наниматель. Людей, для которых повседневные тяготы труда, как и его результаты, становились чем-то чуждым, им не принадлежащим, и которые поэтому были заинтересованы в уничтожении частной собственности. В этом классе и зародилось «сознание необходимости коренной революции, коммунистическое сознание» [Соч., т. 3: 69].

Призрак коммунизма

«Призрак бродит по Европе – призрак коммунизма» – с этих слов начинается знаменитый «Манифест Коммунистической партии», написанный Марксом и Энгельсом для того, чтобы противопоставить «сказкам о призраке коммунизма» открытое изложение коммунистами своих взглядов, целей и стремлений [Соч., т. 4: 423].

Молодой Маркс воспринял коммунизм как идею, в которой виделся ответ на волновавшую его экзистенциальную проблему *эмансипации человека*, преодоления эксплуатации и угнетения человека человеком, устройства общества на гуманистических

началах. Переход на позиции коммунизма как самого радикального направления социалистической мысли того времени стал для него закономерным выводом из его философской антропологии и философии истории – тех взглядов, к которым он пришел в начале 1840-х гг. [Гранин 2018: 203–217].

Суть проблемы «отчуждения» Маркс склонен был тогда трактовать в духе Фейербаха, в понятиях «самоотчужденного» труда, «самоотчужденного человека», отчужденного от своей родовой сущности. С этим связано было и понимание им частной собственности как необходимого следствия отчужденного труда и одновременно как его основы и причины. Поскольку частная собственность, согласно представлению Маркса, превратилась в средство самоотчуждения труда, в способ его реализации, постольку условием ликвидации отчуждения труда и должна была стать ликвидация частной собственности. «Экспроприаторов экспроприируют», – предрекал Маркс, ссылаясь на все то же диалектическое «отрицание отрицания» [Соч., т. 23: 773].

Обобществление средств производства, этой объективной стороны частной собственности, считал Маркс, дало бы лишь «отрицательное» ее упразднение. Перспективу «положительного» упразднения частной собственности он связывал с коммунизмом, обещавшим, согласно его тогдашним воззрениям, возвращение человека к его сущности, воплощенной в его «сущностных силах», к своему *общественному* бытию, т. е. подлинное *присвоение* человеческой сущности человеком и для человека. Такой коммунизм, считал Маркс, как совершенный натурализм равен гуманизму, а как заверченный гуманизм равен натурализму; «он есть *подлинное* разрешение противоречия между человеком и природой, человеком и человеком, подлинное разрешение противоречия – спора между существованием и сущностью, между опредмечиванием и самоутверждением, между свободой и необходимостью, между индивидом и родом» [Соч., т. 42: 116].

Эта логически выстроенная философская максима, носившая на себе явные следы гегелевско-фейербаховского влияния, получила затем более конкретное и реалистичное

развитие в «Немецкой идеологии»¹. Здесь на первый план в качестве главной причины отчуждения труда был вынесен *исторический процесс разделения труда*. Стихийная эволюция разделения труда создавала формы общения, противостоящие индивидам как независимые от них и чуждые им внешние обстоятельства. Эти унаследованные от прошлого и окостеневшие стихийные предпосылки общественного развития становились препятствием для самостоятельности каждого нового поколения.

Осознание этих стихийных предпосылок, переход к *сознательному* контролю индивидов над чуждыми им силами, подчинение этих сил «власти объединенных индивидов» [Соч., т. 3: 36, 71] – вот необходимое условие «снятия» отчуждения. Это открыло бы простор для всестороннего развития человеческих способностей, что, в свою очередь, позволило бы людям освободиться от ограничений, навязываемых им антагонистическим разделением труда. Тогда общественная связь могла бы осуществляться уже не стихийно, «за спиной» людей, а «сознательно», будучи опосредована коллективным разумом ассоциированных членов общества [Соч., т. 3: 68].

Теперь авторы «Немецкой идеологии» резюмировали свое понимание коммунизма так: «Коммунизм для нас не *состояние*, которое должно быть *установлено*, не *идеал*, с которым должна соотноситься действительность. Мы называем коммунизмом *действительное* движение, которое уничтожает теперешнее состояние» [Соч., т. 3: 34]. Две *практические* предпосылки представлялись им в этой связи безусловно необходимыми: отчуждение, чтобы стать «невыносимой» силой, против которой

¹ В 1845 г. Маркс и Энгельс сообща решили «свести счеты» со своей «прежней философской совестью», что и сделали в обширной рукописи под этим названием. По словам самого Маркса, их воззрения в противоположность идеологическим взглядам немецкой философии «были *первые научно изложены*» (курсив мой. – А. В.) в его посвященной полемике с Пруденом работе «Нищета философии» (1847) [Соч., т. 13: 8]. Значение этого можно лучше оценить, если вспомнить о принятом одним из крупнейших философов XX века Карлом Ясперсом различении *научного знания* и философии как «*философской веры*» [Ясперс 1994: 420, 506].

совершается революция, должно превратить большинство человечества (!) в совершенно «лишенных собственности» людей, противостоящих миру богатства. При том понимании, что оба эти условия предполагали бы огромный рост производительных сил, их *универсальное развитие*. Без этого сохранилась бы всеобщая *бедность*, а с нею и «вся старая мерзость». И только высокий уровень развития производительных сил позволил бы установить *универсальное* общение людей и тем самым придать коммунизму обязательный с точки зрения его жизнеспособности *всемирно-исторический* масштаб [Соч., т. 3: 33–34].

В «Коммунистическом манифесте» содержится признание исторической роли буржуазии в появлении этих предпосылок, поскольку она «создала более многочисленные и более грандиозные производительные силы, чем все предшествовавшие поколения, вместе взятые» [Соч., т. 4: 429]. Но, утвердив свое классовое господство в передовых государствах на развалинах феодального строя и революционизировав производство, средства сообщения и мировую торговлю (спустя полтора столетия это назовут *глобализацией*), буржуазия, говорилось в «Манифесте», уже не может совладать с созданными ею производительными силами, как и с социальными последствиями этого. Породив при этом своего антипода, противостоящую ей классовую силу в лице пролетариата.

Для Маркса правильно понятый коммунизм был синонимом свободного развития, он решительно отмежевывался от взглядов в духе так называемого «казарменного коммунизма». Однако те общие принципы устройства будущего нового общества, которые он выдвигал (отчасти воспроизводившие суждения социалистов-утопистов), не могли не вызывать вопросов, остававшихся без ответа: о механизме работы коллективистской экономики в условиях неизбежной диверсификации и усложнения экономических взаимосвязей; о способах негосударственного управления в условиях присущих любому обществу проблем и коллизий в межличностных отношениях; о том, насколько совместимы предполагаемая рациональная организация общества и «свободное развитие каждого...» [Соч., т. 4: 447].

В ожидании пролетарской революции

Безысходное положение трудящихся в эпоху промышленного переворота навевало мысли о неизбежной и близкой пролетарской революции. Ожидание ее можно объяснить и общественной атмосферой той эпохи, которая несла на себе отпечаток влияния Великой Французской революции, открытой ею полосы политических потрясений в Европе, чартистского движения в Англии, рабочих восстаний во Франции, Германии, революций 1848–1849 гг.

Важно иметь в виду: революцию Маркс понимал как результат естественноисторического развития, как средство облегчить «родовые муки» перехода общества к той высшей форме, к которой оно волей-неволей движется в силу собственного своего экономического развития. В принципе он отдавал предпочтение «более мирным», «более гуманным» методам борьбы, связывая это с развитием демократических институтов, с уровнем развития самого рабочего класса. Не собирался и не призывал «устраивать» революции. Свою роль и свой долг видел в том, чтобы помочь европейскому рабочему классу обрести понимание своей исторической миссии.

Германия, считал Маркс, имела ту особенность, что здесь пролетариат обрел в философии свое духовное оружие, а философия в пролетариате – свое материальное оружие [Соч., т. 1: 428]. В 1850–1870-е гг. Маркса не покидала надежда на близкий новый подъем революционного движения в Германии, на казавшийся временами неизбежным стихийный революционный взрыв. Этого не случилось. Однако социалистическое движение в Германии достигло за это время заметных успехов, укрепило свои позиции и влияние, используя открывавшиеся возможности легального действия.

Главной иллюстрацией для теоретических выводов Маркса служила Англия, где прежние экономические уклады были в наибольшей степени уничтожены или преобразованы капиталом. Это была единственная страна, где к тому времени, по его мнению, уже достигли известной степени зрелости материальные предпосылки для рабочей революции. Только Англия,

считал он, могла послужить рычагом для серьезной экономической революции. Но состояние английского рабочего движения приносило разочарования.

В своей переписке, относящейся к 1850–1860 гг., Маркс и Энгельс не раз сетовали на утрату английскими рабочими той революционной энергии, которую последние проявили ранее, в годы чартизма. Сначала они связывали это с периодами высокой экономической конъюнктуры, ожидая поворота при наступлении очередного кризиса перепроизводства. Потом пришли к выводу, что дело в англо-ирландских отношениях и в положении Англии как колониальной державы.

Были и другие причины для появления сомнений в отношении перспектив ожидаемой пролетарской революции. Когда Энгельс в письме Марксу заметил, что английский пролетариат все больше обуржуазивается [Соч., т. 29: 293], Маркс в ответном письме обратил внимание своего соратника на другую сторону проблемы. «Трудный вопрос заключается для нас в следующем: на континенте революция близка и примет сразу же социалистический характер. Но не будет ли она неизбежно подавлена в этом маленьком уголке, поскольку на неизмеримо большем пространстве буржуазное общество проделывает еще восходящее движение» [Соч., т. 29: 295].

Проявления революционной инициативы Маркс ожидал прежде всего от французских рабочих. Но когда в осажденном прусскими войсками Париже возникла критическая ситуация, он от имени Генерального Совета Интернационала призвал парижские секции не поддаваться «безумию отчаяния». Когда же восстание все же произошло и вскоре было жестоко подавлено, Маркс в страстном и гневном воззвании Генсовета воздал честь героическим защитникам Коммуны и заклеил ее палачей.

В практическом организационном опыте Парижской Коммуны Маркс увидел подтверждение своим представлениям о будущем коллективистском устройстве общества. Трагедия рабочего Парижа в майские дни 1871 г. не поколебала его уверенности в том, что рабочий класс может добиться своего освобождения и вместе с тем дать простор элементам нового общества, которые уже развились в недрах существующего, хотя

для этого ему «придется выдержать продолжительную борьбу, пережить целый ряд исторических процессов, которые совершенно изменят и обстоятельства, и людей» [Соч., т. 17: 347]. В этой мысли присутствует, по сути дела, предвосхищение возможности появления в более развитых странах многоукладной социально-экономической системы, сочетающей, благодаря высокому уровню обобществления производительных сил, элементы социалистического уклада наряду с капиталистическим.

Общество – не твердый кристалл

После вынужденного переезда в Англию (1850 г.) Маркс смог возобновить, а точнее начать снова прерванные ранее занятия политической экономией. Центр тяжести его размышлений о развитии общества решительно сместился из философско-антропологической теоретической плоскости в область экономической конкретики и теории. Появилась возможность более предметного изучения капиталистического производства и буржуазного общества на примере страны с уже сложившейся к тому времени крупной машинной индустрией. Вместо понятия «отчуждение труда» на первый план вышли категории *меновой, потребительной, прибавочной стоимости*.

Дальнейшие исследования развития капитализма позволили Марксу глубже заглянуть в то подспудное «действительное движение, которое уничтожает теперешнее состояние», создавая *практические* предпосылки перехода общества в новое состояние. В первом, черновом варианте «Капитала» (рукопись 1857–1858 гг.) об этом говорилось так: капитал «работает над разложением самого себя как формы, господствующей над производством» [Соч., т. 46, ч. II: 208]. Это, утверждал Маркс, стало следствием успехов естественных наук, все более широкого технологического применения естествознания и появления в результате производства, основанного на *автоматической системе машин*, приводимых в движение природными силами, преобразованными в производственный процесс, и способных выполнять ту же самую работу, которую раньше выполняли рабочие [Соч., т. 46, ч. II: 202]. Такое производство становилось

менее зависимым от рабочего времени и количества затраченного труда, чем от эффективной мощности используемой техники. В тенденции труд в его непосредственной форме становился относительно *менее значимой величиной в качестве источника богатства, а прибавочный труд – все менее значимым условием развития общественного производства.*

Тем самым претерпевала изменение проблематика «снятия» отчуждения. Теперь «отрицательное» упразднение отчуждения (частной собственности) представало как тенденция *самоотрицания* капиталом своей сущностной основы в качестве самовозрастающей стоимости. Появление научного производства создавало условия и для упразднения «положительной» стороны отчуждения – *труда как необходимости*, как «частичного» труда в его односторонности, навязанной стихийным разделением труда, для превращения труда в свободную *деятельность*, удовлетворяющую *потребность* человека в реализации своих «сущностных сил».

Для крупного производства, базирующегося на научных знаниях и «всеобщих силах природы», более необходимым становился «универсальный человек», опирающийся на достижения общечеловеческого развития и культуры, на накопленные обществом знания. Крупная промышленность не только сама испытывала возрастающую потребность в таком «универсальном человеке», но и создавала возможность для его формирования, расширяя пространство *свободного времени*. Тем самым, полагал Маркс, закладывались «мины для взрыва это строя» [Соч., т. 46, ч. I: 102].

В пользу этого вывода говорило и другое присущее капиталу внутреннее противоречие. «С одной стороны, капитал вызывает к жизни все силы науки и природы точно так же, как и силы общественной комбинации и социального общения, – для того, чтобы созидание богатства сделать независимым (относительно) от затраченного на это созидание рабочего времени. С другой стороны, капитал хочет эти созданные таким путем колоссальные общественные силы измерять рабочим временем и втиснуть их в пределы, необходимые для того, чтобы уже созданную стоимость сохранить в качестве стоимости» [Соч.,

т. 46, ч. II: 214]. Производительные силы и общественные отношения, которые служат капиталу лишь средством для того, чтобы производить на своей ограниченной основе, в действительности «представляют собой материальные условия для того, чтобы взорвать эту основу» [Соч., т. 46, ч. II: 215–216].

Последний тезис, сформулированный весьма категорично, подразумевал, очевидно, особую роль поднимавшегося рабочего движения в качестве фактора трансформации капиталистической системы. Успехи тред-юнионизма в Англии и зарождение профсоюзного движения на континенте предвещали реальные сдвиги в отношениях между капиталом и трудом. Это служило дополнительным аргументом для того, чтобы констатировать: существующее общество «не твердый кристалл, а организм, способный к превращениям и находящийся в постоянном процессе превращения» [Соч., т. 23: 11].

В «Учредительном манифесте Международного товарищества рабочих» (Интернационала), написанном Марксом с учетом особенностей этой организации, представлявшей непосредственные интересы трудящихся разных стран, упор был сделан на практическом значении достижений рабочего движения – таких, как законодательное сокращение рабочего времени, успешный опыт работы кооперативных фабрик и пр. Эти результаты оценивались им как победы рабочего движения в «великом споре между слепым господством закона спроса и предложения, в котором заключается политическая экономия буржуазии, и общественным производством, управляемым общественным предвидением, в чем заключается политическая экономия рабочего класса» [Соч., т. 16: 9].

Если сначала Маркс разделял мнение о том, что рабочие обречены на абсолютное обнищание, то в последующем он изменил это мнение. Он отверг догму о неизменном «рабочем фонде», согласно которой считалось, что общее повышение заработной платы бесполезно для рабочих, так как это приводит будто бы к обратному эффекту вследствие роста безработицы, а, следовательно, стачки, да и профсоюзы, бесполезны. В развернутом докладе, прочитанном в июле 1865 г. в Лондоне на заседании Генерального Совета Интернационала [Соч., т. 16:

101–155], Маркс показал, что верхняя граница стоимости рабочей силы подвижна, эластична, что рабочие могут противостоять снижению заработной платы и бороться за ее повышение, что посредством организованных действий наемные рабочие могут добиваться улучшения своего положения.

Маркс обращал внимание на возможность изменений посредством реформ, законодательного регулирования, оценив фабричное законодательство в Англии как «первое сознательное и планомерное воздействие общества на стихийно сложившийся строй его процесса производства» [Соч., т. 23: 492]. Все эти важные новые выводы, основанные на его исследованиях в области политэкономии (первый том «Капитала» уже готовился тогда к изданию), имели принципиальное значение с точки зрения понимания практических задач рабочего движения, в том числе связанных с использованием такого способа коллективных действий рабочих, становившегося все более распространенным и более эффективным, как забастовка.

Рабочее движение в Европе становилось более массовым и более зрелым. Распространение гражданских и политических свобод открывало перед рабочим движением возможность легально создавать свои организации – профсоюзы, общества взаимопомощи, кооперативы разного рода, политические партии. Придавая особое значение завоеванию рабочими политической власти, Маркс внимательно следил за этим процессом, поддерживал его, хотя, к некоторому его разочарованию, деятели этих партий теперь называли себя «социалистами», «социал-демократами» или как-то иначе, а не «коммунистами»¹.

Борьба за сокращение рабочего дня, повышение заработной платы и достойные условия труда не только позволяла рабочим – в известных пределах – улучшать свое положение, но и побуждала капиталистов расширять применение трудосберегающей техники. То есть объективно способствовала техническому прогрессу, переходу от экстенсивных

¹ Название опубликованной Энгельсом в 1880 г. брошюры «Развитие социализма от утопии к науке» тоже о чем-то говорит, если учесть, что в конце 1840-х гг. он и Маркс выступали с критикой различных теорий социализма, противопоставляя им коммунизм.

к интенсивным методам производства, а также расширению потребительского рынка. Отмечая это обстоятельство, Маркс приводил в «Капитале», а также в подготовительных к нему рукописях, много конкретных примеров изобретений, технических нововведений, непосредственно вызванных забастовками [Соч., т. 23: 445–447]. В социалистическом рабочем движении того времени укреплялось понимание того, что борьба за повышение заработной платы необходима, в частности, для технического прогресса – как материальной основы прогресса социального.

Все более сложная действительность

На пути реализации своего грандиозного исследовательского замысла Маркс не мог не столкнуться с определенными трудностями. Третий том «Капитала», работа над которым не была закончена (к печати его подготовил Энгельс), обрывается на главе «Классы», оставшейся недописанной. Почему? Там говорится о трех основных классах буржуазного общества – земельной аристократии, капиталистах и наемных работниках. Если оставить за скобками земельную аристократию, которая все больше клонилась к упадку, то речь шла о *двух* противоположных классах, на которые, как изначально считалось, должно было неизбежно распасться буржуазное общество.

Англия к середине XIX в., в кульминационной фазе промышленного переворота, действительно очень близко подошла к полному разделению общества на два противоположных класса. Но с завершением промышленной революции тенденция к упрощению социальной структуры британского общества сменилась тенденцией к ее *усложнению*. Помимо сохранившегося значительного слоя мелкой буржуазии (фермеры, ремесленники, торговцы) росли новые средние слои – конторские и торговые служащие, управленцы, инженеры и другие категории работников умственного труда и сферы услуг. В составе господствующего класса особое место заняла финансовая банократия. Дифференциация затронула и рабочий класс – верхний, более квалифицированный слой рабочих становился

своего рода «рабочей аристократией», более благополучной в материальном отношении и более консервативной.

Была и другая трудность. Категории диалектической логики не давали вполне удовлетворительного объяснения некоторых особенностей мирового развития. *Абстракция* как прием исследования требовала определенных допущений, важных с точки зрения раскрытия сущности капиталистической эксплуатации, природы прибавочной стоимости. Но приходилось оставлять в стороне некоторые «привходящие моменты». В первом томе «Капитала» есть примечание: «Мы отвлекаемся здесь от внешней торговли... Для того, чтобы предмет нашего исследования был в его чистом виде, без мешающих побочных обстоятельств, мы должны весь торгующий мир рассматривать как одну нацию и предположить, что капиталистическое производство закрепилось повсеместно и овладело всеми отраслями производства» [Соч., т. 23: 594].

Эта посылка была, конечно, далека от действительного состояния мира. На каком-то этапе у Маркса могли возникнуть сомнения в релевантности некоторых выводов, полученных на основе ранее принятых допущений. Можно ли было и далее приравнивать множественность наций и стран, стоящих на разных ступенях развития и к тому же в отношениях господства и подчинения, к «побочным обстоятельствам»? Или это само становилось «затемняющим делом обстоятельством»?

Не случайно, видимо, в последние годы жизни Маркс вновь обратился к изучению всемирной истории. Известную роль здесь могла сыграть обращенная к нему просьба Веры Засулич, разрешить спор среди российских социалистов: способна ли сельская община в России, будучи избавлена от угнетающего ее внешнего давления, получить развитие в социалистическом направлении или же она обречена на гибель, т.к. в силу исторической неизбежности (если Маркса правильно поняли в России) все страны мира должны пройти все фазы капиталистического производства.

Маркс, внимательно следивший в это время за событиями в России, с готовностью откликнулся, но не счел возможным ответить адресату ни один из трех подробных набросков ответа,

ограничившись кратким письмом, в котором говорилось (вразрез с прежней универсалистской позицией), что: а) «историческая неизбежность» экспроприации земледельцев ограничена в «Капитале» странами Западной Европы; и б) русская сельская община могла бы, по его мнению, сохраниться как «точка опоры социального возрождения», если освободить ее от тлетворных внешних влияний и обеспечить нормальные условия развития [Соч., т. 19: 250–251]. В набросках ответа он называл в качестве благоприятствующих этому обстоятельств, во-первых то, что Россия, будучи современницей капиталистического производства в других странах, «может усвоить его положительные достижения, не проходя через все его ужасные перипетии», во-вторых, близящуюся, как он считал, перспективу уничтожения капитализма и возвращения общества в более современной форме к «архаическому» типу на основе коллективного производства и коллективного присвоения [Соч., т. 19: 401–408].

Результатом возвращения Маркса на склоне лет к изучению всеобщей истории стал большой рукописный труд, позже названный Энгельсом «Хронологические выписки». Основой его послужил подробный конспект 18-томной «Всемирной истории» крупного немецкого историка Ф. К. Шлоссера, а также выписки по истории Индии – общим объемом около 100 авторских листов. Выписки дополнялись извлечениями из других материалов и обширными собственными комментариями. Маркса интересовала не только диахроническая связь событий, но и в особенности – *синхронистические* сопоставления того, что происходило в одно и то же время в разных частях мира. Он стремился проследить события политической, социальной, религиозной истории в разных частях мира на протяжении столетий. Что давало другой угол зрения, отличный от прежнего, когда приходилось полагаться, за неимением другого инструментария, на «силу абстракции».

В этой связи высказывалось предположение (в частности, историком Б. Ф. Поршневым [Поршнева 1968: 404–434]): не означал ли этот труд, что у Маркса зрел какой-то новый замысел? Что он ощутил необходимость охватить картину мира в целом, во всем ее многообразии? Включить в анализ весь тот огромный массив стран и народов, которые стояли еще

на докапиталистической стадии развития? Но даже если эта догадка верна, осуществить такой замысел он уже не мог бы. Для этого не оставалось отпущенного ему природой времени, как не оставалось времени для реализации всего задуманного плана экономических исследований.

Человек и Природа

Действительной эмпирической предпосылкой всякой человеческой истории, подчеркивал Маркс, является само существование человека и его отношение к природе. Учитывая диалектическую взаимосвязь истории людей и истории природы, «всякая историография» должна исходить в изучении общества «из этих природных основ и тех их видоизменений, которым они, благодаря деятельности людей, подвергаются в ходе истории» [Соч., т. 3: 19]. Природу Маркс рассматривал и как общее условие жизни, и как один из факторов общественного производства (первоисточник его средств и предметов), и как источник общественного богатства (теперь это принято называть «*природным капиталом*»).

В самых первых достижениях технического прогресса, сопровождавшего становление фабричной промышленности, Маркс разглядел то, что принесла с собой научно-техническая революция в следующем столетии – подчинение человеком колоссальных сил природы, превращение науки в *производительную силу*, в главный источник умножения общественного богатства. Трансформация экономической жизни в этом направлении произошла на Западе без смены общественной системы, но сопровождалась, тем не менее, далеко идущими социальными изменениями – как в отношении условий труда, уровня и качества жизни, так и в том, что касается коллективных потребностей и целей.

С научно-техническим прогрессом Маркс связывал перспективы *развития человека*, целостность его развития. Предвидя, что по мере развития крупной промышленности и расширения сферы всеобщего научного труда главной основой производства и создания богатства станет присвоение человеком «его

собственной всеобщей производительной силы, его понимание природы и господство над ней в результате его бытия в качестве общественного организма, одним словом – развитие общественного индивида» [Соч., т. 46, ч. II: 213–214]. Подлинное богатство, утверждал Маркс, заключено в развитии человека. «Чем иным является богатство, как не абсолютным выявлением творческих дарований человека», развитием «всех человеческих сил как таковых, безотносительно к какому бы то ни было *заранее установленному* масштабу» [Соч., т. 46, ч. I: 476]¹.

В этих словах можно усмотреть предвосхищение развития человека, близкое к тому, что подразумевается принятым в современной социологии понятием «*человеческого капитала*»: широта знаний и уровень квалификации, достигнутые благодаря «вложениям» в образование и профессиональную подготовку индивида, а также затраты на медицину, на культурные нужды и обретенную вследствие этого способность работника к эффективному творческому труду. Хотя при этом инновационная деятельность и сегодня остается в той или иной мере подчиненной коммерческим интересам, со всеми сопутствующими этому извращениями, непредсказуемыми побочными последствиями и рисками.

Маркс предвидел не только возможность трансформации современного ему общества, но и тех отношений в системе «человек-природа», которые установились в его время. Он указывал на тенденцию усиления противостояния человека и внешней природы в процессе общественного развития. От его внимания не ускользнула угроза *разрушительных последствий* массированного воздействия хозяйственной деятельности человека на внешнюю природу.

Эти последствия Маркс связывал с феноменом «отчужденного труда», с «перекосом» в системе человек-природа, обусловленным присущей капиталу тенденцией к безоглядной и расточительной эксплуатации природы. Как он заметил

¹ Отметим в этой связи, что девиз публикуемых с начала 1990-х гг. под эгидой Программы развития ООН Докладов о развитии человека: «Подлинное богатство народов – это люди».

однажды в письме Энгельсу, ссылаясь на исторические примеры, «культура (т.е. совокупные результаты человеческой деятельности – А. В.), если она развивается стихийно, а не *направляется сознательно*... – оставляет после себя пустыню...» [Маркс, Энгельс. Письма о «Капитале» 1968: 263]. Общество «ассоциированных производителей», полагал Маркс, со временем научится рационально регулировать отношения в системе человек – природа – «при условиях, наиболее достойных их человеческой природы и адекватных ей» [Соч., т. 25, ч. II: 387].

Увы, это предположение оказалось если и не совсем неверным, то все же слишком оптимистичным. По мере становления в более развитых странах «социального государства» и «потребительского общества» расширились и масштабы эксплуатации природы, теперь уже, по сути дела, *совместной эксплуатации* ее капиталом и трудом (при крайне неравном распределении получаемых в результате благ, непропорционально большая доля которых достается тем, кто прямо или косвенно контролирует ресурсы). Огромному росту общественной производительности труда на основе развития науки и использования сил природы сопутствует феномен *потребительства*, всячески стимулируемого рынком, поскольку это расширяет поле действия рыночных сил и выгодно производителям. В результате все более драматичными становятся угрозы для окружающей среды, для здоровья и психики людей.

Маркс после Маркса. Вместо Заключения

В каком отношении находятся Маркс и его учение к современности? Много событий произошло в мире за полтора столетия после Маркса, многое изменилось. Изменилось не в последнюю очередь под влиянием вдохновлявшихся марксистскими идеями социальных и политических движений, особенно революции в России и вызванного ею тектонического сдвига на мировой арене. Кое-что изменилось в самом характере капитализма – правящие круги под давлением объективных экономических процессов, а также под влиянием рабочего движения

и других демократических сил вынуждены были обратиться к методам государственного регулирования и планирования, отчасти заимствованным из советской практики.

Роль публичных институтов и публичной политики почти повсюду в цивилизованном мире существенно возросла по сравнению с эпохой «дикого» капитализма. Государственным властям пришлось не только активизировать политику социальных реформ, регулирования рынка труда и трудовых отношений, пойти на прогрессивное налогообложение имущих, но и непосредственно заниматься проблемами, которые рынок сам по себе не может решить – в области социального обеспечения, народного образования, здравоохранения, развития средств транспорта и связи, энергетики, городского хозяйства, защиты окружающей среды. В этом проявился, как говорят критики западной модели общества, тот *«невольный коллективизм»*, который, вопреки доминирующим частнособственническим отношениям, упорно пробивается сквозь индивидуалистический строй капиталистических отношений.

Утверждение политического строя представительной демократии на основе всеобщего избирательного права расширило «окно возможностей» для сопротивления рыночной стихии со стороны гражданского общества. Речь идет о массовых профсоюзах, других общественных организациях и движениях, о политических партиях, которые не могут не учитывать в своей деятельности, в том числе в качестве правящих, интересы своего электората. Присущая современным обществам «напряженность» между капитализмом и демократией получила новую подпитку с появлением сетевой коммуникации как эффективного способа обмена информацией и мобилизации граждан на массовые протестные акции, в которых по тем или иным поводам могут участвовать самые разные группы людей.

Многое изменилось в мире, но слишком много остается такого, что вызывало неприятие и протест у Маркса: культ денег, зуд приватизации, жажда наживы любой ценой, разительные контрасты кричащей роскоши и беспросветной нищеты, вопиющие проявления несправедливости и бесчеловечности. *Фурии частного интереса* – эти «самые яростные, самые низменные

и самые отвратительные страсти человеческой души» [Соч., т. 23: 10] – как и прежде отравляют общественно-политическую атмосферу, причем на всех уровнях мирового социума, а в России – на почве вновь обретенного и заведомо ущербного капитализма.

Пока существует в том или ином виде капитализм, хотя бы и «неклассический», сохраняет свое значение и радикальная критика навязываемых им общественных отношений и морали. Конечно, речь не идет о том, чтобы буквально переносить на современность выводы, относившиеся к промышленному капитализму эпохи свободной конкуренции. Но Марксов анализ общества дает, несомненно, некоторые отправные пункты для современной социологии развития.

1. Это, прежде всего, принятый Марксом подход к изучению общества с точки зрения понимания действительных движущих сил развития, т.е. интересов различных общественных групп, экономических, политических и иных побуждений и мотивов деятельности людей, развития человека. Особенно актуален сегодня анализ условий распределения доходов и богатства, институциональных факторов крайнего, избыточного неравенства, социальной напряженности, проявлений деградации нравственного климата в обществе, поиск путей и способов снижения конфликтогенности, преодоления связанных с этим препятствий для развития.

2. Еще большее чем когда-либо значение приобрело различие Марксом частных и общих интересов индивидов. Рыночные механизмы, будучи более всего приспособлены для удовлетворения частных интересов, гипертрофируют эту сторону социально-экономического развития в ущерб общим интересам. Хотя объективно значимость последних возрастает, культ частного нередко оттесняет куда-то на периферию общественные (коллективистские) стимулы и мотивы поведения людей. Поиск оптимального соединения частного и общественного – трудная, но крайне важная задача современной социальной политики, необходимое условие как нормального развития общества, так и возможности реализации общественно признанных частных интересов и потребностей.

3. Отсюда огромное значение поставленной Марксом проблемы осознания стихийных предпосылок развития и необходимости сознательного его контроля со стороны общества. Ревнители неолиберализма, ориентируясь на «магию» рынка, исходят из того, что развитие общества всегда было спонтанным и таким в основном должно оставаться. Но положение человечества изменилось: впервые в истории возникли угрозы для самого его существования. Прогноз Маркса и Энгельса насчет неизбежного перехода капитализма от восходящей к нисходящей линии развития подтвердился. Перед лицом кризиса западной цивилизации более дальновидные представители экспертного сообщества, да и некоторые политики все настойчивей ставят вопрос об изменении типа социально-экономического развития.

В массовом сознании растут антикапиталистические настроения. Идея *социализма*, которая на определенном этапе понесла урон в результате разоблачения преступлений сталинизма и распада СССР, вновь находит более широкую поддержку, пусть и в смутно осознаваемой, инстинктивной форме. Современное *ценностное* понимание социализма, освобожденное от жесткого теоретического (тем более идеологического) каркаса, от уравнилельских и этатистских искажений, не отрицает ни значимости частных интересов, ни важной роли рынка (регулируемого!) как механизма их выявления и реализации, но подразумевает примат коллективных интересов и целей общества, несводимых к сумме индивидуальных или групповых интересов и предпочтений.

4. Провидческой оказалась констатация Марксом процесса глобализации как следствия экспансии капитала. В наше время глобализация послужила импульсом для политики *неолиберального глобализма*, для *гегемонистских* притязаний США, что привело к крайнему обострению международных противоречий. Поэтому не только не устарел, а напротив, приобрел судьбоносное значение известный призыв Маркса к тому, «чтобы простые законы нравственности и справедливости, которыми должны руководствоваться в своих взаимоотношениях частные лица, стали высшими законами и в отношениях между народами» [Соч., т. 16: 11].

5. Фактически речь идет об *управлении развитием* – проблеме предвидения более отдаленных последствий наших повседневных действий, поставленной, в сущности, еще Марксом, а ныне как никогда актуальной в свете глобальных вызовов нашего времени. У современных обществ, в отличие от прошлого, есть широкий и эффективный инструментарий для того, чтобы заранее учитывать и регулировать отдаленные последствия человеческой деятельности – вездесущее государство с его разветвленным многофункциональным аппаратом, другие институты публичной сферы, мощный научный и образовательный потенциал, правовые системы, новейшие информационно-коммуникационные технологии.

Практика показывает, что «приручить» рынок, направить действие рыночных сил в русло интересов общего блага в принципе можно. Решение этой задачи зависит от уровня общей культуры, зрелости общественного сознания, принятых этических норм, укорененности демократических принципов, от качества политического руководства. Но велика и инерция сопротивления эгоистических интересов тех общественных сил, для которых всякая форма сознательного контроля развития есть покушение на «либеральный порядок». Перефразируя Маркса, можно применительно к современности сказать: дело по-прежнему идет о великом споре между слепым господством закона спроса и предложения, т.е. стихийностью развития, и общественным развитием, направляемым общественным предвидением.

Список литературы

- Гранин Ю. Д. 2018. Философский коммунизм Карла Маркса // Свободная мысль. № 2.
- История теоретической социологии. В 4-х т. Т. 1. / Отв. ред. и сост. Ю. Н. Давыдов. М.: Канон, 1997.
- К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. М.: Политиздат, 1967.
- Маркс К. 1957. Восемнадцатое Брюмера Луи Бонапарта // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Государственное издательство политической литературы. Т. 8.

- Маркс К.* 1960. Гражданская война во Франции // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Государственное издательство политической литературы. Т. 17.
- Маркс К.* 1960. Заработная плата, цена и прибыль // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Государственное издательство политической литературы. Т. 16.
- Маркс К.* 1955. К еврейскому вопросу // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Государственное издательство политической литературы. Т. 1.
- Маркс К.* 1955. К критике гегелевской философии права // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Государственное издательство политической литературы. Т. 1.
- Маркс К.* 1955. К критике гегелевской философии права. Введение // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Государственное издательство политической литературы. Т. 1.
- Маркс К.* 1959. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Государственное издательство политической литературы. Т. 13.
- Маркс К.* 1960. Капитал. Критика политической экономии. Том первый // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Государственное издательство политической литературы. Т. 23.
- Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. Том третий. Книга III // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Государственное издательство политической литературы, 1962. Т. 25, ч. II.
- Маркс К.* 1968. Критика политической экономии (черновой набросок 1857–1858 годов) // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Государственное издательство политической литературы. Т. 4. Ч. I.
- Маркс К.* 1969. Критика политической экономии (черновой набросок 1857–1858 годов) // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Государственное издательство политической литературы. Т. 46. Ч. II.
- Маркс К.* 1961. Наброски ответа на письмо В. И. Засулич // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Государственное издательство политической литературы. Т. 19.

- Маркс К.* 1962. Письма. Маркс – Энгельсу, 8 октября 1858 года // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Государственное издательство политической литературы. Т. 29.
- Маркс К.* 1961. Письмо В. И. Засулич // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Государственное издательство политической литературы. Т. 19.
- Маркс К.* 1955. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Государственное издательство политической литературы. Т. 3.
- Маркс К.* 1960. Учредительный Манифест Международного Товарищества Рабочих // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Государственное издательство политической литературы. Т. 16.
- Маркс К.* 1938–1946. Хронологические выписки // Архив Маркса и Энгельса. Т. V–III. М., Госполитиздат.
- Маркс К.* 1947. Хронологические выписки по истории Индии (664–1858). М.
- Маркс К.* 1974. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Государственное издательство политической литературы. Т. 42.
- Маркс К., Энгельс Ф.* 1955. Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Государственное издательство политической литературы. Т. 4.
- Маркс К., Энгельс Ф.* 1955. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Государственное издательство политической литературы. Т. 3.
- Маркс К., Энгельс Ф.* 1968. Письма о «Капитале». М.: Политиздат.
- Маркс К., Энгельс Ф.* 1955. Святое семейство // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Государственное издательство политической литературы. Т. 2.
- Поршнев Б. Ф.* 1968. Исторические интересы Маркса в последние годы жизни и работа над «Хронологическими выписками» // Маркс – историк. М.: Издательство «Наука».
- Энгельс Ф., К. Маркс.* 1959. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Государственное издательство политической литературы. Т. 13.

Энгельс Ф. 1961. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Государственное издательство политической литературы. Т. 21.

Энгельс Ф. 1962. Письма. Энгельс – Марксу, 7 октября 1858 года // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Государственное издательство политической литературы. Т. 29.

Ясперс К. 1994. Смысл и назначение истории. Пер. с нем. 2-е изд. М.: Республика.